

Хельга Мигдон

2000

ОТТЕЖКОВ

ЗЕЛЕНОГО

18+

Хельга Мидлтон

200 оттенков зеленого

«Автор»

2026

Мидлтон Х.

200 оттенков зеленого / Х. Мидлтон — «Автор», 2026

Флоренция, Италия, 1906. Британский продюсер ставит оперу по сказке «Волшебник из страны Оз». Успех постановки под угрозой: у примадонны пропадает нэцкэ подарок её отца, морского офицера. Вместе с талисманом пропадает и голос певицы. Частному детективу Франсис Дрейк предстоит выяснить, кто стоит за кражей — отвергнутый жених, конкуренты или кто-то из своих же артистов, готовых на всё ради славы. Торки, Англия, 2026. Резиденты «Тихой Обители» к празднику Солнцестояния готовят «зеленый концерт», чтобы доказать: возраст творчеству не помеха. Однако две внезапные смерти омрачают праздник. Когда еще и Габби попадает в реанимацию с симптомами отравления, её внучка молодая адвокат Эйлин Колд понимает: кто-то готов пойти на крайние меры, чтобы остановить праздник, или праздник только повод? Два расследования, разделенные столетием, сплетаются в один узел. Главы о прошлом чередуются с главами о настоящем, ведя читателя к эпилогу, где обе истории закольцуются самым неожиданным образом.

© Мидлтон Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

200 оттенков зеленого

От автора

Дорогой читатель,

Прежде чем вы откроете эту книгу, хочу сказать пару слов. Приобретая эту книгу вы, по сути, получаете бонус «Две Книги По Цене Одной».

Два года назад я начала писать исторический детектив, в котором все события, преступление и его раскрытие происходили на фоне постановки оперы на либретто по книге «Волшебник из страны ОЗ». Российский читатель с детства знает версию этой книги под названием «Волшебник Изумрудного города». Отсюда, кстати и название «200 оттенков зеленого».

Пока писалась первая книга возникла идея другого сюжета, но попрежнему вокруг постановки всё той же пьесы. Теперь дело происходит 120 лет спустя и в совершенно другой обстановке.

Ну, и как полагается в классическом детективе, все встает на свои места и все загадки разрешаются в самом конце, который и стал общим для обеих историй.

Если бы книга вышла в бумажном издании, я бы разместила их в разных концах обложки, и они бы двигались навстречу друг другу с эпилогом в середине, но в электронной версии я могу предложить следующее:

Те, кто любит линейное повествование, читайте главы через одну: нечетные дело происходит в наши дни на юге Англии; четные унесут вас во Флоренцию 1906 года.

Тем, кому интересен только преступник предлагаю перейти сразу к последней главе и эпилогу.

Те, кто уже прочел книгу, говорят что головоломка мне удалась ;)

Всем остальным желаю приятного прочтения.

С уважением, Хельга Мидлтон.

Глава 1

ТОРКИ. ЮЖНЫЙ ДЕВОН. АНГЛИЯ. 2026 ГОД

– Ба! Миленькая, любименькая, ну пожалуйста, вставай! Мы и так уже опаздываем!

Эйлин снова заглянула в комнату бабушки и увидела, что та, как и двадцать минут назад, все еще лежит в постели, но теперь уже с открытыми глазами.

Габби чуть с прищуром, как в экран телевизора, смотрела прямо перед собой. Лицо ее было сосредоточено. Она словно пыталась рассмотреть в голубизне раннего утра какие-то ей одной видимые картинки.

Эйлин тронула старушку за плечо. Та медленно повернула голову и перевела отрешенный взгляд на лицо внучки. Было очевидно, что она его не видит. Ее сознание гуляло где-то по другим просторам.

– Ба, – Эйлин повторила свой призыв, – вставай. Ты забыла? У тебя сегодня важный день. Ты переезжаешь.

– Навсегда?

– Ну, почему «навсегда». Здесь по-прежнему твой дом, но только в нем не осталось никого, кто бы мог за тобой присматривать, помогать тебе, а ... к сожалению, тебе теперь нужна помощь.

– Да, да... Я помню. А что Генри? Он тоже умер? – Старушка приподнялась над подушкой.

– Ба, ну что ты такое говоришь? – Эйлин быстро просунула руку ей под шею и помогла сесть в кровати, – умер Артур - твой муж, мой дедушка. И случилось это десять лет назад, а Генри – это твой сын, мой отец – и он вовсе не умер.

– А где же он?

Эйлин закатила глаза, потом опустила их. Ее взгляд упал на прикроватный будильник.

«Зачем он здесь? Интересно, когда это Габби последний раз просыпалась по будильнику?», – Подавив раздражение, она ласково взяла старушку за плечи и повернула ее к себе, помогая спустить ноги с кровати.

– Эх, опять ты все забыла. У Генри обнаружился диабет, и врачи порекомендовали ему сухой и теплый климат. Они с Дороти теперь живут в Малаге, это на юге Испании, – уточнила она.

Взгляд Габби вдруг сфокусировался. Эйлин показалось, что сознание старой женщины начало просыпаться. Габби первый раз за все утро улыбнулась, а Эйлин поспешила внести дальнейшие разъяснения.

– Да. Дороти - это его вторая жена, моя мачеха. Если ты будешь умницей и не будешь болеть, то мы с тобой полетим к ним на Рождество. А если ты не будешь умницей, – она присела рядом с кроватью и взяла левую ногу старушки. На минуту залюбовалась. Стопа была по-прежнему узкой, никаких косточек, перекошенных пальцев. Крупные ногти, аккуратно обработанные приходящей раз в три недели педикюршей, поблескивали розовым перламутром лака, – ... если ты не будешь умницей, – повторила она, – то мы опоздаем к обеду в твоем новом доме.

– Я купила новый дом? – Габби послушно приподняла вторую ногу и позволила надеть на нее тапку.

– Не то, чтобы купила, но оплатила проживание в нем. Это очень-очень приятное и красивое место. Там тебе будет оказано много внимания и заботы. Будет врач на постоянной основе, будут развлечения, общение... Ну, ты же понимаешь?

– Не совсем. Ну да ладно. Если вы так решили.

– Нет, нет, нет, – в Эйлин проснулся адвокат, – тебя никто не неволит. Ты сама так решила и сама выбрала вот этот, – она взяла из стопки буклетов, лежащих на прикроватной тумбочке рядом с будильником, одну из глянцевых брошюр. Вот, смотри какая красота тебя ждет-дожидается. И название такое обещающее – «Тихая Обитель».

Габби протянула к книжице сухую лапку с тонкими, совсем не старушечьими пальцами, украшенными, таким же, как и пальцы ног, розовым лаком. Эйлин ловко отдернула руку и убрала ее за спину.

– Не, не, не! Только после завтрака. Ты пока умываться, а я пойду его приготовлю, – молодая женщина помогла старой встать, развернула ее лицом к двери ванной комнаты и слегка похлопала по спине, – что ты будешь?

– Как всегда. Хлопья с теплым молоком, – послышался сухой, как те самые хлопья, ответ.

Эйлин еще два раза проделала путь из кухни в спальню Габби и обратно. Дважды пыталась вмешаться в процесс утреннего ритуала, но ни заставить, ни помочь старой женщине «ускориться» было невозможно. Габби жила в своем мире, в своем режиме.

Эйлин отпила уже остывший кофе, снова поставила плошку с молоком для Габбиных хлопьев в микроволновку. Та погудела положенные тридцать секунд и звякнула. Одновременно звякнул и телефон, оставленный на кухонном столе.

На экране высветилось короткое «ПОЛИЦИЯ»

– Мисс Колд, это дежурный констебль Смит. Полиция Корнуолла и Девона.

– Я догадалась, – холодно ответила Эйлин, – чем могу?

– Звоню по просьбе инспектора Хикманна. Дежурного адвоката срочно госпитализировали, а у нас в допросной подозреваемый.

В это время в дверях кухни появилась Габби. Из-под кружев комбинации выглядывали голые ноги в элегантных лаковых туфлях, сверху черная кофточка с люрексом и перекошенной застежкой.

– Деточка, где мои таблетки? Я не могу найти косметичку.

– И юбку тоже, – с сарказмом заметила Эйлин.

– Что? Что вы говорите, мисс Колд?

Эйлин поняла, что она все еще держит трубку возле лица. Накрыла ее ладонью и буквально рывкнула на Габби:

– Косметичку с лекарствами я уже упаковала в чемодан. Таблетки примешь, когда приедем на место. Найди, пожалуйста, за ради Бога, юбку и ешь уже свой завтрак.

Она снова поднесла телефон к уху:

– Послушайте, констебль, у меня ни имя, ни фамилия не начинаются ни на А, ни на Б, ни на В. Таким образом, я не возглавляю список адвокатов. Возможно, рядом с моим номером кто-то и поставил пометку «в каждой бочке затычка», но это не я. И какого лешего вы всегда вызываете меня в подмену?

– Думаю, потому, что инспектор считает вас высококвалифицированным профи. Возможно, я ошибся. Извините за беспокойство и хорошего вам дня.

Не успела Эйлин ответить, как на том конце закончили связь.

Эйлин, глубоко носом втянула воздух. Запах распаренных в молоке хлопьев с корицей сладкой волной приятно наполнили легкие. Девушка повернулась на каблуках, и снова направилась в комнату Габби. Та сидела на кровати по-мужски расставив ноги. Ее красивые ладони висели между колен.

Эйлин сняла с вешалки легкое шелковое платье в мелкий цветочек, под белым воротничком была приколотая старинная камея. Габби, как ребенок, послушно вставляла руки в рукава, поднимала голову, когда Эйлин поправляла брошь, подставила плечи под шерстяной кардиган.

Эйлин окинула старушку оценивающим взглядом и сказала:

– Так-то лучше. Туфли можешь оставить эти. А теперь быстро завтракать. Мы и так уже опаздываем.

«Надо бы перед констеблем Смитом извиниться. Ни за что нахамила парню», – подумала, а в слух добавила:

– Мне еще в полицию надо заехать и в суд успеть к четверем. Очень важное дело слушается. Я не могу опоздать.

– Деточка, до четырех еще уйма времени, – уверенным тоном успокоила ее старушка.

ГЛАВА 2

ФЛОРЕНЦИЯ. ИТАЛИЯ. 1906 ГОД

Мистер Джеффри Маккорт был в приподнятом настроении и потому шел по коридору гостиницы «Приют пилигрима» улыбаясь и напевая мелодию увертюры. Его мурлыканье не имело ничего общего со звучанием оркестра, но это только снаружи, а внутри у него вовсю шло представление. Ноги вслед за музыкальными пассажами, звучащими в его голове, то убыстряли, то замедляли шаги. Им в такт, как дирижерская палочка, в воздух взлетала новая трость. Как же все-таки ему повезло с женой: мало того, что красива, так еще умна и заботлива. Если и дает совет, то всегда дельный. И ее последний совет – остаться на зиму в Италии – оказался, пожалуй, самым удачным.

Первая удача очевидна: теперь, выходя на улицу, он брал с собой не тот отвратительный черный зонт с тяжелым крюком вместо ручки – такими крюками пастухи ловят отбившихся от стада овец, а саму элегантность – трость. Он на секунду остановился и осмотрел ее. Чудесный подарок жены на его сорокалетие. Тонкая, легкая, чем-то похожая на саму дарительницу, трость была украшена элегантным серебряным набалдашником в виде шара. Изысканная гравировка по нему изображала глобус. Задумка при выборе этого подарка была очевидна – весь мир в твоих руках. Иди уверенно, не спотыкайся. Ах, как жаль, что матушка не дожила до сегодняшних дней. Наверняка, наблюдает за успехами сына оттуда – сверху.

Он даже поднял глаза, но взгляд уперся в довольно примитивную роспись потолка над коридором. «Не Леонардо, но очень по-итальянски», – подумал мистер Маккорт и продолжил свой путь. Да. Жена была права – зима в Италии много лучше, чем лето.

Вторая удача, собственно, вытекала из первой. В этой поездке его планы на создание оперного спектакля наконец-то свершились. На фестивале церковных хоров в Венеции – тамошние церкви обладают, пожалуй, лучшей в мире акустикой – он познакомился с хормейстером одной русской певческой группы. При более близком знакомстве оказалось, что хор был не совсем церковный и состоял из вполне светских оперных певцов. Диапазон и красота их голосов буквально завораживали слушателей. Собрал же сей чудесный хор человек, не имеющий ничего общего с музыкой, но имеющий крепкую деловую хватку. Господин Лавринёв – директор труппы – организовал участие в фестивале не столько для того, чтобы порадовать европейскую публику, сколько для того, чтобы найти подходящего импресарио с долгосрочным контрактом. Тем более, что на родине после поражения в русско-японской войне и беспорядков 1905 года публика с большим интересом стала ходить на открытые процессы в суды, нежели в консерваторию.

Мистеру Маккорту – стопроцентному англичанину – такие тонкости как «сомнения» и «неуверенность» были глубоко чужды. В логике его размышлений существовали только «да» и «нет». В тот чудесный майский день, за ланчем на веранде, нависающей над одним из венецианских каналов, он предложил Лавринёву ангажемент. Тот случай, когда два решительных человека нашли друг друга. Ланч плавно перешел в пятичасовой чай, чай в ужин, завершением которого стала поездка в Teatro La Fenice. Что примечательно, гондольер, везущий их из театра, пел не хуже тех, кто час назад делал это же самое на сцене.

Гостиничный коридор уперся в площадку, с которой, как рога на голове буйвола, вниз вели две полукруглые лестницы. Мистер Маккорт и тут оставался англичанином: он всегда спускался по левой лестнице. Уже с ее середины был виден овальный холл гостиницы и подкова стойки рецепции, над которой возвышалась красивая голова владелицы гостиницы. Синьора Мария Фиоре – собственной персоной сверяла какие-то записи в книге регистрации.

– Buon giorno, – поприветствовал гость хозяйку. Та ответила ему дежурной улыбкой, – Хочется верить, вы не забыли, прекрасная синьора, что сегодня приезжает моя дорогая племянница. Надеюсь, номер для нее уже готов. И пожалуйста, протопите его как следует. Бедняжке надо как следует отдохнуть после столь долгой дороги.

– Напомните мне, мистер Маккорт, откуда к нам едет милая леди?

– Аж из Канады. Вся семья была в ужасе, когда моя единственная сестра решила на такой смелый шаг и уехала в эту варварскую страну. Но дело в том, что моя сестра еще упрямее, чем я. Вообще, мать природа перепутала наши характеры. Я, как вы знаете, любитель музыки и изящных искусств, а она с детства увлекалась этнографией. И дочь ее – наша славная Франсис, тоже выбрала себе далеко не женскую профессию.

– И что же это, если не секрет, – синьора Фиоре обожала чужие секреты.

– Нет, не секрет. Она – частный сыщик.

Хозяйка гостиницы ойкнула от неожиданности и добавила:

– Неудивительно. У них там в новом свете все не как у людей.

– Не могу не согласиться, – Продюсер поклонился в знак окончания разговора и повернулся к стойке спиной, намереваясь покинуть отель.

Не успел он сделать и двух шагов, как из боковой двери, ведущей в кухню, буквально выбежала Дашуня – горничная солистки труппы и обладательницы великолепного сопрано – госпожи Ольги Ямпольской. В руках у девушки был кофейник, и она явно очень спешила. Синьора Фиоре с интересом наблюдала за тем, как две фигуры стремительно приближаются друг к другу и на момент зажмурилась, ожидая неминуемого столкновения. Реакция англичанина оказалось быстрой – как-никак, а регулярные занятия спортом имеют свои преимущества – все та же трость, перегородившая Дашуне путь, спасла его пальто от пролитого какао.

– Простите! Ради Бога, простите, господин продюсер, – девушка залилась краской, прижала к груди кофейник и поспешила присесть в реверансе.

– Хорошо, хорошо, ничего же не случилось, но почему такая спешка. Мисс Йампол-с-кая (он всегда спотыкался на этом сложном русском имени) не терпится испить кофе?

– Какао, – поправила его хозяйка гостиницы, – из номера позвонили и заказали какао. Причем голос у синьориты был сам не свой.

– И?... – удивился продюсер.

– Ох, ваше благородие, ужасная неприятность случилась. У госпожи пропала ее любимая фигурка.

– Что за фигурка? – поинтересовался Джеффри.

– Что значит пропала? – эхом к его вопросу прозвучал вопрос синьоры Фиоре, – в моей гостинице у постояльцев ничего не пропадает.

– Пропала маленькая японская фигурка – нэцкэ. Вот такая, – горничная сложила большой и указательный пальцы свободной руки. Расстояние между ними было сантиметров шесть – семь. Госпожа очень-очень расстроена. Фигурка, наверное, очень ценная, раз ее украли, но для барышни... Барышня говорит, она бесценна.

– Я вызываю полицию. Еще раз повторяю: в моей гостинице краж не бывает.

– Синьора, – Джеффри вернулся к стойке, – зачем вам полиция? Новость просочится в прессу. Ни вам – для репутации вашего отеля, ни мне – до премьеры спектакля – лишнее внимание прессы не нужно. Через час здесь будет частный сыщик. Уверен, моя племянница

будет только рада продемонстрировать свой талант, – он обернулся к Дашуне, – мисс, передайте вашей барышне, пусть не переживает так. Ее нэцкэ будет обнаружена в самом скором времени.

*

Впереди фиакра примерно с такой же скоростью двигалось громоздкое сооружение олдсмобиль «Фиат» – прародитель итальянского автопрома. Лошадь, еще не привыкшая к треску и воню испускаемых «самоходкой», фыркала, постоянно мотая головой и хвостом, словно отмахивалась от роя назойливых мух.

– Чертово изобретение, – тихо ругался кучер, – к вечеру, руки буквально отваливаются. Лошадь-то приходится все время придерживать. Иначе понесет.

– А вы не пробовали его обогнать? – поинтересовался Джефри, – И не только ради гуманизма по отношению к лошади, но и к пассажиру. Я, знаете ли, опаздываю на вокзал.

– Господин так опаздывает, что багаж забыл? – кучер слегка наклонился вперед, как бы разговаривая с лошастью, а не с пассажиром.

– Я еду встречать молодую особу. Будет очень нелюбезно заставить ее ждать.

– Так бы сразу и сказали. Сейчас свернем и короткой дорогой проедем. Она малость неудобная – сильно трясти будет, зато тихая и без этой воню.

Джефри Маккорт согласно кивнул и откинулся на спинку сиденья, уперев трость в пол повозки, приготовился к минутам некомфортной езды, – Черт с ней с тряской. Главное вовремя поспеть.

– Не беспокойтесь, синьор, долетим без проволочек!

Тем не менее, к прибытию поезда они опоздали. Навстречу продюсеру двигалась довольно плотная толпа пассажиров. Носильщики толкали впереди себя тележки. Дети, почувствовавшие свободу широкого пространства вокзала, прыгали в попытке вырваться и предаться беготне, но цепкие руки мамаш и нянек крепко держали их маленькие ручки. Еще крепче дамы прижимали свои сумочки и ридикюли – легенды о флорентийских уличных воришках распространялись далеко за пределы Тосканы. Толпа прижала продюсера к мраморной колонне, и он, пропуская спешащих к выходу пассажиров, приподнимался на цыпочки и вытягивал шею, высматривая в гуще прибывших молодое усыпанное веснушками и обрамленное рыжими кудряшками личико. Такой он помнил племянницу, которую не видел целых восемь лет. Он, как-то не учел тот факт, что девочка-подросток за эти годы могла подрасти и превратиться в молодую женщину. У Джефри закружилась голова, и он уже начал впадать в легкую панику, когда, наконец, его внимание привлекла странная шляпка. По форме она вполне соответствовала моде – довольно плоская с неширокой тульей, но там, где обычно на тулье располагалось легкое подобие версальской клумбы, в данном случае располагался хвост енота. Из-под него выглядывали рыжие кудри незамысловатой прически, что в целом создавало впечатление того, что зверек притаился под кругляшом распиленного дерева. Джефри с облегчением выдохнул и устремился вперед, отгораживаясь тростью от приближающихся колес очередной багажной тележки.

Франсис стояла у ворот, ведущих к платформам, и пыталась вести разговор с контролером. Почему-то она говорила на французском, а он мотал головой, как та лошадь, раздраженная автомобилем, и отчаянно жестикулировал. Джефри догадался, что нетерпеливая племянница пытается выяснить дорогу к отелю. Конечно же собралась самостоятельно добраться до него.

– Ну, здравствуй, малышка! Как же ты подросла! – приговаривал он, то обнимая ее, то отодвигая от себя, чтобы получше рассмотреть, – Неужели ты могла подумать, что твой дядя не встретит тебя? – Он, наконец выпустил девушку из объятий, подхватил ее чемодан, баул,

огляделся по сторонам в поисках остального багажа и сделал удивленное лицо, – а где твои вещи?

– Привыкла путешествовать налегке.

– И правильно. У нас в костюмерном цехе всегда можно найти что-нибудь, подходящее случаю. Хоть на свадьбу, хоть на похороны. Тьфу-тьфу. Постучим по дереву. Grazie, Signore, – и он протянул контролеру монетку.

ГЛАВА 3

ТОРКИ. ЮЖНЫЙ ДЕВОН. АНГЛИЯ. 2026 ГОД

Прежде офис администратора «Тихой Обители» располагался в просторной комнате с большим камином и массивным письменным столом, окруженным уютными диванами. Французское окно от потолка до пола как бы условно отгораживало помещение от великолепного сада, раскинувшего свою зелень по ту сторону этой прозрачной стены. Однозначно – лучшее место для рабочего кабинета хозяина. В последний ремонт Маргарет Фостер – бессменный администратор «Обители» – настояла на том, чтобы «одна из лучших комнат дома» была переоборудована под библиотеку и комнату для тихих игр. Новый офис был намного меньше старого, что соответствовало основному принципу Маргарет – менеджер должен быть на ногах и среди подопечных, а не утонуть в уюте кабинета. Окно «нового» кабинета выходило на парковую площадку. Маргарет, как женщина старой формации – ей недавно исполнилось семьдесят три – не доверяла камерам, и любила лично наблюдать не только за тем, что происходит внутри вверенного ей заведения, но и снаружи.

Последние полчаса она, все по той же аналогии с камерой, переводила глаза с экрана компьютера на окно и обратно. Наконец-то в ее боковом зрении возникла красная «Мини - Купер», плавно въезжающая во двор «Обители».

Пальцы ног Маргарет нашли под столом снятые с усталых ног туфли. Администратор поднялась в своем кресле. Оправила волосы, руки автоматически сбежали вниз, проверяя порядок пуговиц на блузке, расправили, пригладили следующий «этаж» - складки на юбке и...

Эйлин еще помогала Габби выбраться из малышки машины, а Маргарет уже стояла на крыльце, широко, как для объятия, раскинув в стороны руки, и так же широко улыбаясь.

Ознакомительный тур был явно много раз отрепетированным событием. Маргарет с некоторой заученностью и фальшивым энтузиазмом профессионального экскурсовода шла чуть впереди гостей, повернувшись к ним в пол-оборота при этом она не забывала кивать в ответ на приветствия сотрудников или резидентов, попадавших им на пути.

– А здесь у нас самое сердце нашей «Обители» - это большая гостиная. Помните, в школе мы называли это актовый зал? Наш, на мой взгляд, гораздо более теплый и гостеприимный.

Маргарет остановилась в широких двустворчатых дверях зала, как бы приглашая Габби и Эйлин задержаться и рассмотреть интерьер и то, что там происходило.

Действительно, вместо привычных рядов казенных стульев, обращенных к невысокому подиуму, играющему роль сцены, пространство было заполнено креслами и столиками, причем, как низкими - журнальными, так и высокими, предназначенными для настольных игр. В креслах сидели преимущественно старички с книгами или газетами. На диване, стоящем возле одной из стен, сидели три старушки. У двоих в руках мелькали спицы, а перед третьей стояла конструкция из небольшой рамы с прикрученной к ней круглой лупой с подсветкой. На раму был натянут холст. Рядом стояла корзинка, из которой выглядывали мотки разноцветных ниток.

«Понятно. Кружок «Умелые руки».», – отметила для себя Эйлин.

Маргарет, словно прочитав ее мысли, прокомментировала:

– Мы всячески поощряем все виды рукоделия. Развивает мелкую моторику, понимаете ли. Почти все наши дамы и даже кое-кто из мужчин вяжут или вышивают, собирают бисерные украшения. Мы и выставки-продажи устраиваем. Перед Рождеством носки и шапочки раскупаются, как горячие пирожки.

– Кем? – удивилась Эйлин.

– Родственниками, – с готовностью ответила администратор. К Рождеству у нас тут особенно активный наплыв наследников. Я имела в виду – визитеров, – поправила она сама себя.

В эркере большого окна стояли три стола для настольных игр. На одном была расстелена фетровая скатерть, по которой были рассыпаны кусочки пазла, не иначе как на тысячу кусочков. Он явно терпеливо ждал своих собирателей.

За соседним друг против друга сидели две белокурые старушки. Перед каждой лежала книжка с головоломками «Найди слово». Сбоку стояли шахматные часы. Дамы, не поднимая голов, водили линейками по таблицам букв, сопровождая это занятие движением губ и карандашей. Каждый раз, когда беспорядок буквенных изображений приобретал смысл, и одна из дам находила слово, она радостно вскидывала ручку и била по кнопке часов. Браслеты звенели, бриллианты в кольцах мерцали, и размеренный отсчет времени продолжал свой равнодушный бег, приближая не только окончание матча, но и...

Третий стол стоял чуть в стороне, у той части окна, на стекле которого была наклеена картинка с изображением инвалидного кресла. К нему и проход был шире, и устлан он был коврой прорезиненной дорожкой. За этим столом расположилась группа людей – двое мужчин и две женщины, причем одна из них с трудом помещала свое объемное тело в инвалидное кресло.

«Надо же, как тут все продумано. И обитатели такие дисциплинированные. Сидят согласно регламенту», – адвокатская привычка вылавливать самые, казалось бы незаметные детали, не отпускала Эйлин. Она перевела взгляд на группу за «инвалидным» столом.

Сразу бросалось в глаза то, что все четверо были значительно моложе тех, кого рисует воображение при словах «дом для престарелых». Четверка играла в карты, пересыпая ходы шутками и веселым смехом.

Одна из участниц подняла глаза, увидела стоящих в дверях хозяйку и гостей «Обители». Карты в ее руке на секунду зависли в воздухе, а затем веером рассыпались вокруг стола. Женщина порывисто вскочила и кинулась к дверям. Маргарет и Габби в ужасе отпрянули, а Эйлин, озадаченная таким бурным выражением чувств, вытянула вперед обе руки. Не то в порыве обнять, не то стараясь жестом чуть притушить градус восторга.

– Эйлин! Эйлин Колд! Ребята, – Роуз обернулась к своим друзьям, – посмотрите кто к нам пожаловал!

– Кто? – равнодушно спросила колясочница. Она была явно недовольна тем, что прервалась игра.

– Анжела, ты что? Газет не читаешь? Это же сама Эйлин Колд! Самый блистательный адвокат Девона. Да что там Девона, всей Англии.

Роуз уже схватила Эйлин за руку и тащила ближе к остальным игрокам. Даже искательницы слов подняли головки от своих книжек.

– Как же, как же, – старший мужчина за столом картежников приподнялся на стуле. Он подхватил руку Эйлин и приподнял, поднося к своим губам, – шесть лет назад я уже не работал в Торбэй-Экспресс, но хорошо знал Айвана Грасса – главного редактора газеты – и вашу добрую подругу – скандальную журналистку Оливию Стоун. Мы все тогда буквально рукоплескали вашему потрясающему дебюту. Подумайте только, – он снова обратился к окружающим, – Эйлин, тогда всего лишь выпускница Оксфорда, смогла раскрыть дело, безнадежно закрытое полицией. Ей удалось раскрыть исчезновение ее одноклассницы, которая пропала в... 2017 году.

– В шестнадцатом, – уточнила Эйлин.

– Сразу видно крючкотворца, – Роуз не терпелось вставить свое слово в разговор, и наконец-то ей это удалось, – С тех пор наша дорогая Эйлин, этот адвокат от Бога, не столько раскрывает преступления, сколько помогает их жертвам добиваться справедливости. Вы не представляете с каким блеском она выиграла дело Нэнси Грей, моей напарницы по шесту.

– Расскажите, расскажите, – слышались голоса.

Те, кто находился в гостиной, с любопытством наблюдали происходящее.

– Роуз, давай ты потом расскажешь своим друзьям о моих «блестящих победах». Я тоже рада тебя видеть. Не совсем, правда, понимаю, что ты тут делаешь. Тебе же едва за пятьдесят.

– О, это очень просто. После того нападения на Нэнси, я решила завершить верчение вокруг шеста и уйти на покой.

– Да, но почему твой выбор пал на пансион для престарелых. Тебе еще далеко до беспомощности.

– Ах, Эйлин, вот ты такая вся из себя умная, образованная, а не понимаешь, что последние двадцать лет мне приходилось танцевать в яростной конкуренции с молодыми. Более гибкими, более ритмичными. Да, меня все еще поддерживали мои старые клиенты, но исключительно по привычке и потому, что они старели вместе со мной. Правда, мужчины, – она сделала кивок в сторону Ричарда и Майкла, – делают это не так стремительно, как мы – женщины.

– И все же? Ты далеко не старуха. Почему ты здесь?

– Я предпочитаю быть самой молодой среди стариков, чем самой старой среди молодых. А ты зачем здесь? Кому-то из наших соседей опять угрожают родственники, уставшие ждать дня вступления в права наследования?

– Нет, нет, – рассмеялась Эйлин, – дело сугубо личное. Я привезла сюда свою бабушку. Миссис Колд, – она обернулась к двери, – прошу любить и не обижать.

– Как можно! Не волнуйся. Мы за ней присмотрим в лучшем виде.

– Кто эта женщина? – спросила Габби, когда Эйлин вернулась и взяла бабушку под ручку.

– Это Роуз Нэш. Бывшая стриптизерша, – холодно сказала Маргарет.

– А-а-а, – протянула Габби, – теперь понятно почему она так вульгарно выглядит. И эта татуировка в виде бабочки на спине. Явно намек на ее профессию? Не так ли?

– Ба, не суди о книжке по обложке, а о женщине по цвету губной помады. Роуз -- балерина и могла бы танцевать в труппе Королевского балета, но череда ударов судьбы и несчастий привела ее от балетного станка к шесту в ночном клубе. И в этом нет ничего преступного. Ну, кроме системы, которая позволяет людям проваливаться сквозь дыры в сетке социальной поддержки.

– А кстати, про Королевскую труппу, – Маргарет перехватила инициативу, уводя разговор от больной темы социального обеспечения, – у нас ведь есть еще и Тимоти Боргес – знаменитый в свое время тенор. Солист Королевской оперы.

– Правда? – Габби сразу воодушевилась.

– Да, да. Я как раз собиралась вас с ним познакомить, но эта вульгарная особа, мисс Нэш, вклинилась в наш разговор.

И Маргарет решительно шагнула в сторону подиума у противоположной входу стены. Габби и Эйлин гуськом пошли за ней, лавируя между креслами и столиками в гостиной. Сидевшие в них обитатели пансиона закивали головами, кто-то поджимал ноги, давая проход. Все с нескрываемым интересом рассматривали «новенькую».

Сидевшие на сцене мужчина и две женщины тоже прекратили свое занятие и смотрели на приближающуюся Маргарет и двух незнакомок. Первым заговорил мужчина.

– Вообще-то, мисс Фостер, я хотел вас попросить на следующие три недели по возможности предоставить эту гостиную только тем, кто занят в постановке.

– И куда же я должна на это время переместить остальных резидентов, любящих проводить свое свободное время здесь? Может быть, мы сделаем наоборот – я могу дать вам ключи от бывшего кабинета. Там просторно и уютно.

– Нам нужна сцена. Нам нужно осваивать ее пространство. Пусть они, – он кивнул в сторону диванов и кресел, – им все равно, где играть в карты или спать над книжкой.

– Еще чего?! – возмутилась одна из рукодельных старушек, – Там северная сторона. Там даже в полдень света не бывает, да и отапливается бывший кабинет очень плохо. Тепло только, если сидеть у камина. Мисс Фостер, выделите нам дрова для отопления?

– К сожалению, в летний период, нам не выделяют средства на дрова. Только зимой.

– Вот, – Роуз подхватила разговор и, повернувшись к возмущенной старушке уточнила, – все для твоего же долголетия, Мари. В прохладе ты дольше и лучше сохраняешься.

Маргарет снова поспешила перехватить инициативу. Эйлин с любопытством наблюдала за этим словесным пинг-понгом.

«Надо отдать администратору должное: она великолепно чувствует флюиды надвигающихся скандалов и мастерски пресекает их в зародыше. Профи», – отметила Эйлин про себя.

Тимоти Боргес, увидав за спиной Маргарет два новых лица снизил градус претензий и голосом слаще меда обратился к Габби:

– Я правильно понимаю? В нашем полку прибыло. Как приятно. Позвольте представиться, – он как-то, не выходя из роли, которую репетировал, шаркнул ножкой, подхватил Габбину ручку, и в поклоне поднес ее к губам.

Габби, ничуть не смутившись, словно она всю жизнь получала подобные знаки внимания от знаменитостей, благосклонно позволила ему проделать весь этот ритуал знакомства и величаво ответила:

– Миссис Эйлин Розалина Джойс Колд, но все меня зовут просто Габби. Вы тоже можете ко мне так обращаться.

– Чудесно! Чудесно! – Боргес не выпускал руку старушки, наоборот: он плотнее сжал ее в своей и потянул на себя, второй помогая Габби преодолеть порожек подиума-сцены, – позвольте вам представить: моя жена Патриция Боргес, мы тоже зовем ее коротко – Пэт, а это наша общая подруга Элизабет Купер или попросту Бет. Мы трое не расстанемся уже почти пятьдесят лет.

– Вы тоже поете? – вежливо обратилась к женщинам Габби.

– Ну уж нет, – фыркнула Бет, – это они семейный дуэт, а я, наоборот, музыкальный критик. Они пели, а я критиковала. То одного, то другого, иногда обоих сразу.

Все трое дружно рассмеялись. Было очевидно, что эта фраза была дежурной и не раз употреблялась при различных знакомствах.

– А вы, в прошлом, простите, тоже делали карьеру? – поинтересовалась Пэт.

– Да. Правда не такую громкую. Всего лишь жены, матери и бабушки...

– ...Но достигла в этой сфере полного профессионализма, – добавила Эйлин, – Приятно познакомиться. Я тоже Эйлин - внучка Габби.

– Как жаль. Нам в нашей постановке так не хватает настоящих артистов, – казалось Тимоти сразу же потерял к новенькой интерес.

– Уверена, – снова вступила в разговор Маргарет, – с вашим талантом вы из любого сделаете артиста.

– Спасибо, мэм. Я стараюсь, – он вновь, приложив руку к груди театрально-низко поклонился.

Эйлин за спиной у разговаривающих потянула Маргарет за рукав, молча кивнула на часы и одними губами сказала:

– Сожалею, но у меня очень мало времени. Можно нам осмотреть комнату Габби.

Маргарет понимающе кивнула.

Но не успели они повернуться к выходу, как за спиной у них послышались громкие шаги и возгласы:

– Извините! Поберегитесь! Позвольте пройти!

Не очень ловко лавируя между креслами и столиками к сцене пробирались двое высоких мужчин. Причем один из них был облачен в черную форму сотрудника охраны, а другой в рабочий комбинезон цвета хаки. Между ними болтался на вид не очень тяжелый, но весьма объемный и громоздкий сундук. Пэт и Бет вскочили со своих стульев, а Маргарет, раздвинув руки, как наседка крылья, ступила вперед прикрывая и оттесняя собой Габби и Эйлин.

– Не беспокойтесь, это наш садовник Эд и охранник Брюс. Не Уиллис, но не меньший герой, – она впервые широко улыбнулась, почти рассмеялась своей шутке.

– Дамы, дамы, – обратился Эд к бестолково толкающимся женщинам на сцене, – поберегите ноги.

Сундук благополучно, не повредив никого, опустился на середину подиума. В ту же минуту Тимоти откинул крышку, все дружно склонились над сундуком.

– Какая прелесть! – воскликнула Пэт. Она с удивительной легкостью и грацией вытащила из сундука платье и приложила его к себе. Крутанулась вокруг. В воздух взлетело зеленое облако оборок и кружев, они крылом огромной птицы воспарили над полом, рассыпая вокруг себя запах пыли и нафталина, – Зеркало! Где зеркало? Хочу видеть себя в этой красоте.

– Ты, прелесть моя, в любом наряде красотка, – успокоил ее муж.

Бет тем временем встряхивала и пыталась накинуть себе на плечи пелерину из шелкового бархата изумительно-изумрудного цвета с шифоновым шарфом-бантом цвета лайма.

Тимоти слегка отодвинул женщин от сундука и сам склонился над ним.

– Какая досада, – сказал он приподнимая над головой камзол цвета морской волны, – в тусклом свете подвала эти костюмы казались морем зелени. Как же так! Ведь весь концепт праздника я придумал, исходя из того, что в самый долгий день года все должны быть в зеленом, а теперь...

– Твоя идея по-прежнему гениальна, – Пэт, успокаивая, похлопала его по плечу.

– Нет, нет и нет! Я и не подозревал, что эта бесценная находка, эти костюмы, которые должны были, по моей идее, стать главной изюминкой праздника, такие тусклые. Они какие-то серо-коричневые.

Игроки в карты оставили свою игру и тоже направились к сцене. Майкл, катил впереди себя кресло с Анжелой.

Роуз подошла к сундуку первой и тоже достала что-то переливающееся, как хвост павлина. Это что-то оказалось огромным бархатным беретом из того же изумрудно-зеленого бархата, что и платье в руках Пэт, и украшен он был настоящим павлиньим пером. Роуз рассмеялась.

– Да ты, Тимоти, и вправду уникум. У кого-то к старости развивается деменция, а у тебя дальтонизм. Или ты так вошел в роль, что продолжаешь придуриваться? Они же, эти костюмы, самого что ни на есть раззеленого цвета, причем разных оттенков.

Тимоти выглядел обескураженным, почти жалким. Анжела поспешила прийти ему на помощь.

– Не расстраивайся так, Тим. Рембрандт тоже был дальтоником. Все думают, что он гениальный художник-монохромист, но ученые-реставраторы уже доказали, что он почти не использовал в своей палитре зеленые и синие краски. И вовсе не преднамеренно. У него просто было укороченное видение зеленого спектра.

– Ну, я не Рембрандт. Не пишу картины, так что мне простительно.

– Ты у нас голосовой Рембрандт, – Бет похлопала его по другому плечу, – успокойся. Твоя голосовая гамма побогаче любой палитры любого живописца.

– Ты ж моя лиса. Знаешь, как успокоить старое больное сердце артиста, – он нежно поцеловал ее в лоб и еще раз склонился над сундуком.

Дамы быстро расхватывали оставшиеся юбки, лифы и пелерины. Все весело прикладывали костюмы к себе, расправляя кружева воротников и оборок.

В пустом сундуке на самом дне обнаружились какие-то брошюры, напоминающие программки. Среди них оказалась элегантная серебряная трость, набалдашник которой был выполнен в виде шара. Тонкая гравировка по нему изображала глобус.

– Какая милая вещица. И ведь с намеком. Мол, «весь мир в твоих руках», – воскликнул тенор, – как вы думаете, дамы, не подойдет ли она скрипучему Дровосеку в качестве реквизита. Кто хочет сыграть роль Льва?

– Я могу, – поднял палец садовник Эд.

– Неожиданное предложение, – удивился Тимоти, – а, впрочем, почему бы и нет.

– Можно я буду собачкой Тото? – Роуз весело рассмеялась, – Мы с Эдом чем не пара?

Гостиная погрузилась в общее веселье. Дамы, занятые рукодельем, отложили в стороны спицы и тоже подошли к сцене. Джуди Прайс – та, которая занималась вышивкой, поднесла ближе к глазам один из корсетов.

– Могу предложить себя на роль костюмера. Судя по тканям и фасонам, им не меньше ста семидесяти лет. Покрой и фурнитура из моды середины девятнадцатого века.

– А ты откуда знаешь? Тоже мне эксперт! – Возмутилась одна из вязальщиц.

– Голубушка, кому как не мне знать. Через наше ателье прошло столько старинных платьев. Особенно после войны. Вы не можете представить сколько старинных пледов, скатертей и шелково-бархатных пелерин было перешито моей матушкой в современные наряды. Я тогда еще девочкой была. Мне доверяли чистить серебряные пуговицы и маленьким детским утюжком разглаживать тесьму.

– Конечно, конечно, – артисты закивали головами, – кому, как не Джуди, заняться костюмами.

«Вязальщицы» одновременно пожали плечами и, сделав лица «мне безразлично», вернулись на диван к своим спицам и шапочкам.

ГЛАВА 4

ФЛОРЕНЦИЯ. ИТАЛИЯ. 1906 ГОД

Кучер уже развернул экипаж и стоял возле лошади с мешочком сена. Та послушно принимала очередную охапку и равнодушно жевала сухую траву. Оба выглядели умиротворенными после нервной гонки к вокзалу.

Пока возница укладывал в ящик позади фаэтона остатки лошадиного завтрака и небогатый багаж пассажиров, Джеффри, как истинный джентльмен, предложил даме руку, но та легко без поддержки высоко подняла ногу и ступила на подножку так, будто это была не ступенька кареты, а стремя лошади. Только тут Джеффри заметил, что фалды ее пальто на спине имеют высокий, почти до талии разрез и что сквозь него видны не оборки дамской юбки, а мостовая.

– Что это на тебе надето? – искренне удивился он, слегка отодвигая край ее пальто своей тростью.

– А это, – она опустила глаза и осмотрела свой наряд, – это называется «кюлоты», то есть юбка-брюки. Очень удобно, особенно в поездках. Скажу честно, – она наклонилась к дяде, как бы шёпотом открывая ему секрет, – они настолько удобные, что я нашу их постоянно.

– Боюсь в старушке Европе это не поймут. Движение суфражисток обществом не поощряется.

– Мне не нужно право голоса, мне нужна свобода движения. Знаешь, в юбке очень неудобно водить велосипед.

– Не знаю. Не пробовал.

С этими словами они, наконец, устроились на узком кожаном диванчике повозки.

– ну, двигай! – возница слегка вздернул поводья.

*

Франсис с любопытством вертела головой, не скрывая восторга от того немногого, что было видно с привокзальной площади. Как только они отъехали, Джеффри наклонился к кучеру и что-то сказал на итальянском.

– Прибереги свои восторги. Я попросил его проехать через центр. Всего лишь небольшой де-тур по дороге к гостинице, но хочу, чтобы ты сразу погрузилась в атмосферу этого удивительного города.

– Мне бы помыться и переодеться. Две недели паромной качки даже для меня как-то многовато.

Джеффри откинул колпак фаэтона, обнял племянницу за плечи и слегка потянул ее назад, приглашая сесть поудобнее:

– Расслабься, смотри и слушай. Ты думаешь, что твоя бедная мать отправила тебя за океан только ради того, чтобы ты снова не заболела, как прошлой зимой. Боже! Как ты нас всех тогда напугала! С одной стороны – да, лучше не рисковать и избежать повтора той страшной пневмонии, но с другой стороны... Интеллектуальное здоровье не менее важно, чем физическое. Ты – дитя нового света, твоей стране всего-то 100 лет с небольшим, а здесь, вокруг тебя, – он широко развел руками, – тысячелетняя история. Учись, впитывай. Тут тебе и Медичи, и Данте, да Винчи, Микеланджело, и даже Галилей. И этот перечень – малая толика из списка гениев и злодеев, которые бродили в стенах здешних дворцов и соборов. А уж сколько загадок и столь милых твоему сердцу преступлений здесь свершилось! У-м-м-м. Не сосчитать.

– Так ты тут теперь как гений или как злодей?

– Гений! Конечно же гений. Твой дядюшка придумал совершенно необычную оперу и не только придумал, но почти осуществил ее постановку.

– Очень интересно. Расскажи.

– Долгая история, но, если коротко, то к зарождению идеи ты тоже несколько причастна.

Франсис сделала круглые глаза и повернулась к дяде таким образом, чтобы видеть его лицо.

– Да, да. Не удивляйся. Ты помнишь книгу, которую я тебе послал пять лет назад?

– Ты мне каждый год присылаешь книги. Как будто в Канаде нет книгопечатания. Не пойму, о которой ты говоришь?

– О книге Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Она тогда только вышла и сразу стала страшно популярной. Я купил ее в подарок тебе и, пока ехал из Лондона домой в Бат, всю прочитал. Тогда же решил создать на ее основе музыкальное представление. Оперу. Возможно, первую оперу для детей. И вот теперь, почти шесть лет спустя, ты уже выросла и успела забыть о моем подарке, а я в двух шагах, – ну, не шагах, двух месяцах, – от премьеры моего детища.

– Как здорово, поздравляю! – Франсис слегка приподнялась на сидении и теперь провожала взглядом уплывающий назад фасад церкви Санта-Мария-Новелла.

– Тебе интересно узнать подробности?

– Конечно, – ответила она.

– Знаешь, если бы кто-то пришел ко мне и предложил продюсировать этот проект, я бы, наверное, отказался. Но так как идея пришла в голову мне лично, да еще и моя замечательная жена, умница и красавица – твоя тетя Лора – поддержала эту идею, то вот уже несколько лет я живу ею. Ты не можешь себе представить как труден путь от идеи до ее воплощения.

– Почему не могу? Могу, – проговорила девушка, рассматривая шляпку пассажирки в соседнем фиакре, – последние три недели я как раз и продельвала один такой. тоже вот-вот доберусь до его конечной цели. До гостиницы еще далеко?

– Нет. Почти приехали. И премьера, между прочим, состоится очень скоро -- в канун нового 1907 года. И не где-нибудь, а в Альберт-холле. Этот спектакль станет сенсацией, – в этом Джеффри был абсолютно уверен.

– А почему ты ставишь его здесь, в Италии? – удивилась Франсис.

– Эх, племянница, ты, как частный детектив, должна лучше прочих знать, что подталкивает людей к тем или иным поступкам.

– Ты имеешь в виду к преступлениям? – переспросила Франсис.

– И преступлениям в том числе. Я могу с уверенностью сказать: главные движущие силы человечества – это Любовь, Ревность и Деньги.

– Похоже, что тебя привели сюда, в Италию все три, – рассмеялась девушка.

– Ты совершенно права. Первое, что привело меня сюда – это любовь к опере в целом и к оперным голосам в частности. Правда, я отправился на поиски итальянских талантов, а нашел русские. О! Ты не представляешь, какой красоты у них голоса. Сама услышишь.

– О'кей, поняла. А при чем здесь ревность?

– В прошлом году я познакомился с одним русским импресарио. Вернее, нет. Он даже не импресарио, скорее – энтузиаст. Он носится по миру в попытках показать ему, миру, что Россия – это не лапти да балалайки, а современная держава. Думаю, поражение в их последней войне с Японией сильно повлияло на желание мистера Дягилева показать Западу культурную мощь его родины. Мы с ним не то чтобы подружились, но сошлись. Он видел во мне возможность привлечь английских инвесторов к его смелому проекту, а для меня это знакомство стало входным билетом в общество русских художников, музыкантов, в том числе и певцов. Мы провели вместе несколько дней во время фестиваля церковных хоров в Венеции. Там-то я познакомился с настоящим Карабасом-Барабасом – так за глаза моя труппа называет господина Лавринёва, их директора. Уже позже я выяснил, что они не были никаким церковным хором, а господин Лавринёв собрал их по периферийным оперным театрам, да и вывез, как куколок в сундуке на показ европейцам, – авось найдется дурак, который их перекупит. Ну и нашелся. Вот он я. Сажу тут рядом с тобой.

– Все поняла. И все же. При чем тут ревность? – удивилась Франсис.

– А как же? Дягилев поделился со мной своими намерениями устроить «Русские сезоны» в Париже. В его амбиции входили планы доказать французам, которые изобрели балет, что русские их в этом виде искусства переиграли. Вернее, – переплясали. Ха-ха, – он весело рассмеялся своей собственной шутке, – А я что? Я не амбициозен до такой степени. Я не энтузиаст, а продюсер. Я увидел возможность нанять прекрасных исполнителей моей оперы, а заодно посоветоваться с русским медведем. У него пляски в Париже, а у меня пение в Лондоне. Посмотрим, чья возьмет.

– Пока не вижу третьей причины – денег. Кажется, твой Дягилев выиграл. Он ищет инвесторов и вкладывает чужие деньги, а ты свои.

– Ты удивительно смышлёная девушка, дорогая Франсис. Собственно, будучи дочерью моей сестры, ты и не могла стать другой. Я имею в виду, что как частный детектив, ты мыслишь логично, но я смотрю на вещи по-другому. Мои деньги – это мои инвестиции и, следовательно, чем ниже затраты, тем выше прибыль. Аренда площадки для репетиций, производство декораций и костюмов здесь, в Италии, обходятся мне в половину дешевле, того что я платил бы в Лондоне. Плюс, не забывай, климат. В Англии уже холод и дожди, а здесь тепло, солнечно и сухо. Для голосовых связок певцов – это идеальное сочетание внешних факторов. Я ответил на твой вопрос о деньгах?

Девушка согласно кивнула. Возница притормозил лошадь.

– Вот и славненько. Если вопросов больше нет, то выходим. Вот здесь, – он взмахнул тростью как указкой в сторону крыльца под нешироким навесом, – наш «Приют».

ГЛАВА 5

ТОРКИ. ЮЖНЫЙ ДЕВОН. АНГЛИЯ. 2026 ГОД

Теперь, идя по коридору в сторону спален, Габби с гораздо большим вниманием смотрела по сторонам. Она словно наконец-то проснулась и начала задавать вопросы. Эйлин не была уверена, запоминает ли старушка имена и ответы, но личико Габби порозовело и выражало нескрываемый интерес.

– А что они ставят? – спросила она, когда Маргарет закончила перечислять развлечения доступные пансионерам.

– О! Это была идея Тимоти. Вот что значит человек искусства. Таких возраст не берет. Никак не может остановиться. Все время что-то выдумывает.

– Так что же в этом плохого? – удивилась Эйлин.

– Я не говорю, что это плохо. Это очень хорошо, но не для всех обитателей нашего пансиона. Некоторых утомляет такая активность. Ведь заведение так и называется «Тихая Обитель», а вокруг мистера Боргеса тихо никогда не бывает.

Маргарет сделала шаг в сторону и толкнула одну из дверей:

– А вот и ваша келья, миссис Колд. Проходите. Вот здесь, слева, ванная комната. Как видите, душевая кабина оснащена специальным откидным стульчиком, что дает возможность принимать душ сидя. А это, – она дернула за шнурок, свисающий с потолка рядом с кранами смесителя, – это экстренный вызов персонала. Вы можете вызвать няню, если что. Но! Мы настоятельно рекомендуем вызывать помощь *до*, – она сделала акцент на слове «до», – до того, как вы соберетесь мыться.

Габби поджала губу.

– Я не то, что очень стеснительная, но мне еще никто и никогда не ассистировал в интимных ситуациях. Даже мой муж Артур никогда не заходил в ванную, пока я там делала свои дела.

– Никогда не говори «никогда», – отпарировала Маргарет, – Здоровье и безопасность в вашем возрасте уже идут впереди стеснительности. Так о чем мы говорили?

У Эйлин возникло ощущение, что администратор обладает каким-то шестым чувством и умением уводить разговор от опасных тем и скруглять острые углы.

– Вы рассказывали про того певца. Как вы сказали – тенор Боргес? Ба, ты слышала его?

– Никогда не любила оперу, – фыркнула Габби.

– Не беспокойтесь, миссис Колд, в этот раз он не будет петь. Он пришел ко мне неделю назад с предложением отпраздновать самый долгий день года - День Солнцестояния. Он даже написал либретто для самодеятельного спектакля по мотивам сказки Лаймена Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Какие-то скетчи и куплеты. Ничего драматического. Сам Тимоти, как бывший член Королевской оперы, выступит в роли постановщика и одновременно исполнит роль Дровосека. Пэт, ну это та, которая его жена – она будет Дороти, Бет – их вековая «подруга» – Страшила. Ну, а остальные участники спектакля, по-моему, еще проходят кастинг. Ну, мне пора. Располагайтесь. Отдыхайте. Ланч у нас в час тридцать. Ужин - в шесть.

Габби, с облегчением опустилась в вольтеровское кресло с высоким подголовником, а Маргарет, с видом человека, выполнившего свой долг, повернулась к двери.

– Ба, ты отдохни пока, а я принесу твои вещи и помогу тебе их разобрать.

*

Эйлин выгрузила чемодан, четыре сумки и коробку с кактусом «Декабренок». Несмотря на название, подразумевающее пик цветения в декабре, растение будто забыло об этом и продолжало пышно цвести и сейчас - в конце мая. Габби категорически отказалась оставлять его

дома. Пришлось взять с собой. Эйлин несколько отрешенно смотрела на пожитки и прикидывала, сможет ли она унести все это хозяйство в две ходки или придется ходить три раза.

«Хотя для большинства обитателей жизнь здесь и есть последняя перед небесами остановка, а все же жаль, что не аэропорт. Сейчас тележка очень пригодилась бы», – размышляла она, наклоняясь к чемодану. Но не успела дотянуться до него. Чья-то большая рука приподняла чемодан над землей, а другая уже тянулась к Габбиным авоськам. Эйлин подняла глаза и увидела черный рукав форменной куртки с эмблемой охранного предприятия и весело улыбающиеся глаза того самого парня, который вносил в гостиную сундук с костюмами.

– Позвольте, помогу. Между прочим, меня зовут Брюс.

– Эйлин, – пробормотала она в ответ, по привычке собираясь протянуть руку для рукопожатия, но у обоих руки оказались заняты. Она просто кивнула.

Он быстрым шагом направился к крыльцу, она заспешила за ним, прикидывая: полагается ли дать ему на чай, как мальчику-портюге в отеле, или нет. Наверное, все-таки нет.

Её размышления были прерваны громкими женскими голосами и веселым смехом. Мысли переключились. Брюс опустил поклажу рядом с дверью и исчез так же неожиданно, как и возник, а Эйлин тихо постучалась. Не дожидаясь ответа, толкнула дверь. Две старушки одновременно повернули головы в ее сторону. Обе небольшого роста, белые кудряшки аккуратно уложены. У обеих легкие старинные сережки в ушах. Белые воротнички платьев.

«Боже мой, как же все старики похожи друг на друга. Почти как дети. Наверное, мать-природа, специально так придумала, что мы сильно отличаемся друг от друга только в период фертильности, а остальное время нашей жизни, мы всего лишь особи», – Раздумывала Эйлин, глядя на Габби и ее собеседницу.

Судя по всему, женщины давно знали друг друга.

– Эйлин, познакомься, – Габби сделала паузу и, повернувшись к подруге добавила, – это Эйлин – моя внучка.

«Вот хитрюга! Она не помнит имя женщины, и прячет это за фальшивым знакомством», – промелькнуло в голове у Эйлин.

Гостья, бодро сделала шаг навстречу девушке, протягивая вперед руку с аккуратно накрашенными ногтями цвета розового перламутра. Один в один как у Габби.

«Боже, даже лак у них одинаковый».

– Я – Никки Уотерман, давнишняя знакомая вашей бабушки. А вы тоже Эйлин? надо думать, вас называли в ее честь?

– О, вижу, вы и вправду давно знакомы. Вы даже знаете настоящее имя Габби.

– Как вы сказали? Габби?

– Это давнишняя история. В метрике бабушки было записано красивое имя «Эйлин Розалина Джойс» и да, меня называли в её честь. Но, когда я была маленькой и узнала, что бабушка носит такое же имя, я запротестовала.

– Эйлин – маленькая негодница, – в разговор вступила бабушка, – настаивала на том, что это маленькое имя. Оно для девочек, а я в ее глазах уже тогда была старушкой, и не простой, а похожей на куклу в телевизоре. Ту куклу звали Габби. Ну вот, как-то незаметно, это имя и приклеилось ко мне.

Чудны дела твои, Господи! Эйлин не уставала удивляться тому, как работает память пожилой женщины. Помнит то, что было двадцать, тридцать и больше лет назад, а то, что было вчера или даже сегодня утром, начисто вымыто из бедной белоснежной головки.

Эйлин улыбнулась. Она нарочито повторила имя новой знакомой:

– Итак, миссис, я правильно поняла? Вы, миссис Никки Уотерман, давно знакомы с моей бабулей?

– Да-да. Мы обе были в родительском комитете, когда наши мальчики: мой Эндрю и ваш отец Генри были школярами.

– Да, – подхватила Габби, – у них еще был такой смешной директор школы. Ужасный эксцентрик. Он всегда носил носки разного цвета.

– И ты жалуешься на деменцию?! – воскликнула Никки, – Да у тебя отличная память. Не то что мой слух, – и она кокетливо поправила завиток над ухом, прикрывая им дугу слухового аппарата.

Все трое весело рассмеялись.

Эйлин почувствовала облегчение. Слава Богу, здесь есть хоть кто-то, кого бабушка знает, и кто сможет время от времени будоражить память старушки.

– Эйлин, детка, Никки сказала, что «Зеленый Праздник» будет для всех. Все, а не только участники концерта, должны быть в чем-то зеленом. Ты не помнишь:, у меня есть что-нибудь зеленого оттенка? Привези в следующий раз кофточку или платье.

– Конечно, бабуля, я приеду буквально завтра-послезавтра. Тебе помочь распаковаться? – она украдкой посмотрела на свое левое запястье.

Никки моментально поняла этот жест.

– Если вы спешите, то идите и не беспокойтесь. Я помогу Габби.

– Да, деточка. Тебе же в суд надо, – вдруг спохватилась Габби, – ты цветок-то вот тут, на подоконник пока поставь. Я потом ему уютное место найду.

ГЛАВА 6

ФЛОРЕНЦИЯ. ИТАЛИЯ. 1906 ГОД

Интерьеры гостиницы были далеки от ассоциаций, которые возникают при слове «приют», и уж тем более при слове «пилигрим». Холл сей обители ничем не напоминал уставшему путнику об аскетизме людей, выбравших путь служения богу. Наоборот. «Приют» соответствовал вкусам его хозяйки – Синьора Мария Фиоре тяготела к не самой пышной, но все же роскоши. Тяга эта выражалась в обилии полукруглых диванов; кадок и горшков с большими декоративными растениями; копиями античных скульптур – все это богатство было обрамлено каскадами фалд и драпировок, украшавших окна. Единственное, что напоминало о божественности названия так это роспись на потолке. Правда, библейский сюжет картины был выбран художником с некоей долей иронии. Очевидно, подразумевался привал если не пилигримов, то святых людей, совершавших паломничество к горе Голгофе – ее очертания угадывались в росписи над входом в гостиницу, – но сами паломники и сопровождавшие их женщины, были изображены полуобнаженными, лежащими на траве возле догорающего огня в позах, хоть и указывающих на непомерную усталость, но не столько от путешествия, сколько от утех, после него.

Одним словом, путнику, решившему остановиться в «Приюте пилигрима» как бы прямо с порога обещались комфорт и наслаждения.

Группа же людей – две женщины и трое мужчин, сидевшие в дальнем углу холла вокруг низкого кофейного столика, – производила обратное впечатление. Лицах всех пятерых изображали глубокую озабоченность, можно сказать – уныние. При виде Джеффри и Франсис один из них встал и поспешил навстречу продюсеру.

– Господин Маккорт, как хорошо, что вы вернулись. У нас такие неприятности, такие неприятности...

– Мистер Лаврин-ь-йоф, – ох уж эти русские фамилии, – если вы про то, что у госпожи Ямпол-ска-йя пропала нэцкэ, то я об этом уже знаю и смею вас заверить, здесь не о чем волноваться. Позвольте вам представить – моя племянница и частный детектив мисс Франсис Дрейк. Как у вас говорят: прошу любить и жаловать.

Они приблизились к диванам. Мужчины встали, женщины профессионально широко улыбнулись. В их глазах явно просматривался интерес: такая молоденькая девушка, а уже частный детектив. Что-то не верится.

Со своей стороны, Франсис тоже с интересом рассматривала группу. Она впервые видела артистов не на сцене. Мужчины по очереди и с поклоном целовали ей руку, а она пыталась запомнить их непривычные для слуха имена и в то же время, почти автоматически, отмечать для себя основные черты новых знакомых.

– Даниил Меринг, – представился один из них и низко, по-театральному, поклонился.

– Наш дирижёр и концертмейстер, – добавил Лавринёв.

«Наверное, очень талантлив. На вид не старше двадцати пяти, а уже концертмейстер, – подумала Франсис, взглядывая в лицо молодого человека, – Темные волосы, нос с легкой горбинкой, возможно в нем течет еврейская кровь. Рост ниже среднего, – Франсис мысленно заполняла карточку свидетеля/подозреваемого/преступника, – время покажет кто есть кто».

– А это – господин Степан Домбровский – исполнитель роли Дровосека, – вступил в разговор Джефри, – у него восхитительный тенор, ты скоро сможешь сама в этом убедиться.

«Судя по залысынам, – Франсис с интересом рассматривала лицо и фигуру певца, – ему глубоко за пятьдесят, скорее к шестидесяти. Интересно, как возраст влияет на голосовые связки? Укрепляет или наоборот?»

Тем временем Степан снова поклонился и опустил в свое кресло.

– Наши дамы, – директор группы продолжил представлять артистов, – Ариадна Волонец – контральто. Не только оперная, но и превосходная характерная артистка. В роли Страшилы она просто неподражаема.

Все согласно закивали. Ариадна приложила руку к груди и опустила глаза, как бы скромно принимая комплимент.

«Кажется, даме тоже хорошо за пятьдесят, и в ее понимании «неподражаемая» - это далеко не высшая оценка ее талантов», – Франсис с полуулыбкой наблюдала пантомиму.

Голос дядюшки вернул ее к разговору:

– Франсис, позволь тебе представить нашу еще одну восходящую звезду: Галина Перевердева. Меццо-сопрано. Исполняет сразу несколько ролей. Она у нас и Фея Востока, и сам великий Гудвин. Не смотри, что такая молоденькая. Она, как и ты, полна талантов.

Пока Лавринёв и Маккорт по очереди раздавали комплименты и подогревали в женщинах их тщеславие, Даниил оглядывался по сторонам, выбирая ближайшее кресло. Синьора Фиоре вышла из-за стойки. Вдвоем они подхватили одно из стоящих неподалеку и перенесли его к диванам. Дамы потеснились, освобождая место для Франсис, а Джефри Маккорт сел в предложенное кресло, оказавшись как бы во главе группы.

– Что синьорина желает? Чай, кофе, горячий шоколад? – Спросила хозяйка гостиницы, – у нас есть восхитительные круассаны с миндалем и шоколадные эклеры. Надо полагать, синьорина, с дороги проголодалась.

Франсис рассмеялась:

– Теперь я понимаю почему итальянцы такие жизнерадостные. Люди, начинающие день с пирожных, не могут быть унылыми. Я бы выпила чаю и, если можно заменить эклер простым сэндвичем с ветчиной и помидором, то я бы от такого не отказалась.

Все, кроме Лавринёва улыбнулись шутке девушки.

– Если не затруднит, мы бы тоже от чая не отказались, – старшая из певиц обратилась к синьоре Фиоре.

– Я бы и от сэндвича не отказался, – добавил тенор.

– Вам бы только брюхо набить, а петь кто будет? – Директор тяжело вздохнул, возвращаясь мыслями к самому началу разговора, – Несмотря на шоколад и пирожные, нам нечему радоваться. Мы, кажется остались без ведущей певицы.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Франсис.

– А то, что у Ольги пропала не только эта идиотская вещица, но и голос. И кто теперь будет исполнять партию Дороти?!

– Я могу, – быстро отозвалась Галина.

Все с удивлением повернули головы в ее сторону.

– А что? У нее сопрано, у меня меццо-сопрано. Я, между прочим, легко беру верхнее Си.

– В партии Дороти нет верхних Си, так что тебе нечем блеснуть, а ролей у тебя и без того две. У нас что ли моноспектакль намечается? – возмутилась Ариадна.

– Продюсер же сказал: «Она полна талантов». И сказал он это, между прочим, обо мне, а не о тебе. Или ты в свои пятьдесят с плюсом собралась исполнить Дороти, – Галина зло посмотрела на Ариадну.

Степан Домбровский закатил глаза и устало откинулся на спинку дивана.

– Дамы, дамы! Не время для раздоров, – Даниил попытался предотвратить скандал, – я знаю Ольгу с детства. Знаю, что у нее в моменты стресса пропадает голос. Найдем нэцкэ и голос вернется.

– Не могли бы вы посвятить меня в подробности, – Франсис достала из своего ридикюля небольшой блокнот и тонкий автоматический карандаш в серебряном корпусе – подарок родителей на совершеннолетие. Она сосредоточено повернула головку карандаша, два миллиметра грифеля послушно выглянули из своей норки, а девушка приготовилась делать записи, – Для начала, простите мою необразованность, но что такое нэцкэ?

*

– Что такое «Нэцкэ»? Если примитивно, то это пуговица, – ответил Даниил.

– Вот как? – удивилась Франсис.

– Японская пуговица, – поправил его Степан, – а так как в Японии все не как у людей, то и...

Его перебила Ариадна:

– Ты у нас самый главный специалист во всем. С каких это пор ты стал еще и японоведом? Помолчи. Дай одному человеку рассказать, а другим послушать.

Даниил с благодарностью кивнул певице.

– Дело в том, что Степан прав. Национальный японский костюм – кимоно – не имеет карманов, и все что необходимо человеку иметь при себе, укладывается в мешочек, который крепится под поясом на шнурке. Концы шнурка пропускаются через дырочки в миниатюрной статуэтке. Таким образом, нэцкэ является и пуговицей и как бы хранителем содержимого мешочка. Талисманом в своем роде. Для Оли таким талисманом стала нэцкэ Амэ-но Удзумю – статуэтка богини, которая изображалась в виде женщины в кимоно с двумя веерами в руках. Японцы верили, что Амэ-но создала театр. Её фигурку японцы ставят в домах, где растут дети. Согласно легендам, это божество помогает выявить и раскрыть в себе скрытые таланты.

В это время из дверей кухни вынырнул поваренок в высоком белом колпаке и большим подносом в руках. На подносе позвякивали чашки, блюда и вазочки с вареньем. Позади парнишки шла синьора Фиоре и собственноручно несла чайник, явно не доверяя такой груз подростку. Внимание всех переключилось на чай и еду.

– Как интересно, – Франсис, расправившись с половиной сэндвича, снова взяла в руку карандаш и обернулась к концертмейстеру, – «выявить скрытые таланты» – да ваша Амэ-но, тоже детектив.

– В какой-то степени, но для Оли она была вдвойне дорога. Дело в том, что отец Ольги флаг-офицер эскадры, капитан 2 ранга Ямпольский Лев Гаврилович – один из «морских волков» Дальневосточного флота Российской империи – погиб в мае 1905 года в районе острова Цусима. – Даниил горестно вздохнул, – Последний раз Ольга виделась с отцом за полгода до

его гибели. Он приезжал встретить новый год и провести Рождество в кругу семьи. Оля как раз заканчивала свое обучение в венской консерватории. В феврале 1904 года в Милане в театре «Ла Скала» прошла премьера оперы «Мадам Баттерфляй». Сама премьера провалилась, но копии партитуры разошлись по музыкальным кругам Европы, и Ольга решила исполнить арию Чио-Чио-Сан на выпускном концерте. Лев Гаврилович привез ей настоящее шелковое кимоно и ту самую нэцкэ. С тех пор она стала для Оли не только предметом костюма, но и памятью об отце.

– А скажите, сама фигурка представляет какую-то ценность? Ну, я имею в виду, помимо сентиментальной? – поинтересовался до этого молчавший Джеффри.

– Не знаю. Возможно. Господин Ямпольский вряд ли купил бы для дочери что-то дешёвое. Фигурка вырезана из слоновой кости, что уже говорит о ее ценности. Возможно, антикварная. Но ценность ее, повторяю, не в деньгах, а в памяти об отце.

– Ну, возможно, для грабителя как раз денежный эквивалент и сыграл главную роль, – вставил свое слово господин Лавринёв.

– Вы, как коммерческий директор, только и видите материальный интерес, – фыркнула Ариадна.

– А то вы не знаете, что главной движущей силой любого преступления является, если не любовь, то либо ревность, либо деньги, – огрызнулся директор труппы.

– Леди и джентльмены, вот на этих аспектах, если позволите, попрошу задержать внимание, – оживилась Франсис.

– Давайте не будем про любовь, – Ариадна хитро подмигнула и многозначительно посмотрела на Даниила.

– Не будем, – согласился он и густо покраснел, что, естественно, не ускользнуло от пристального взгляда Франсис.

– Про ревность тоже, – добавила Галина, – я знаю, что вы все думаете, что я ревную и завидую ей, но это не так. Просто обидно. Одним все, а другим -- так себе объедки, – меццо-сопрано, расправила оборки своего платья.

– Уж не тебе говорить об объедках, – разозлилась Ариадна, – у самой аж две партии в спектакле, и все мало.

– Да, мало. С моими голосовыми данными я могу больше. И да. Участие в этой постановке я рассматриваю как ступень к настоящему успеху. Давно мечтаю о том, чтобы петь в настоящем театре, а не с вами в этом карабас-барабаснике прозябать.

– Ну ты и дура, Галя, – возмутился Степан, – без нас ты до сих пор сидела бы в своем Нижнем Новгороде.

– Господа, господа, – воскликнул Лавринёв, – постесняйтесь хоть иностранцев! Что ж вы из всего свару устраиваете. Не стыдно?

– А чего нам стыдиться? – откликнулась Галина, – Вон, Ольга ваша разлюбезная ради этих гастролей даже помолвку расстроила, а сама... Я вчера своими собственными глазами видела ее в кафе с неизвестным господином.

– Ну что ж, – Франсис поставила свою чашку на столик, – думаю, для начала информации достаточно. Попробую поговорить с самой потерпевшей.

– Так она же онемела! – рассмеялась Ариадна.

– Ничего. Иногда язык жестов бывает более убедителен, чем разговор, – Франсис встала со своего места, мужчины тоже поспешно поднялись.

Девушка дружелюбно улыбнулась артистам и направилась к стойке регистратуры.

– Спасибо за чай, синьора. Можно получить ключ от моей комнаты? – Уже с ключом в руке она обернулась к Джеффри, – Дядя, я переоденусь с дороги и побуду немного одна. Где тебя найти?

– Мой номер 202, напротив твоего. Приходи, когда отдохнешь. Я заказал столик для ужина в очень симпатичном ресторанчике неподалеку от галереи Уффици.

ГЛАВА 7

ТОРКИ. ЮЖНЫЙ ДЕВОН. АНГЛИЯ. 2026 ГОД

– Нет, что ни говорите, а самая доброжелательная публика – это не итальянцы, а австрийцы. Когда в сезоне 72-го года, я пела в Вене, зал аплодировал стоя, а занавес поднимали шестнадцать раз, – говорила Патриция Боргес.

У нее на вилке уже были наколоты кусочек рыбы и полпалочки жаренной картошки, но она продолжала водить зубцами по тарелке в попытке наколоть еще и шарик зеленого горошка. Горошина уворачивалась как могла и каталась по тарелке от одного края к другому. В конце концов Патриции надоела эта охота. Ловким движением ножа, как клюшкой для крикета, женщина подтолкнула обреченную жертву к вилке. Зубцы вилки взметнулись и ловко пригвоздили добычу.

– Ты уверена, что это было в Вене, а не Бирмингеме и не в опере, а на благотворительном концерте в обществе глухих? – Довольно громко прокомментировала ее слова Элизабет.

Послышались смешки, кто-то два раза хлопнул в ладоши. На глаза Патриции навернулись слезы.

Тимоти Боргес укоризненно покачал головой, кинул недовольный взгляд на любовницу и слегка похлопал жену по плечу. Сидевшая с ними за одним столом Габби протянула обиженной женщине салфетку.

Патриция давно не пела, а Элизабет так же давно не писала колких рецензий на ее исполнение. Их вялотекущая война была всем хорошо известна и являлась темой для светских разговоров последние сорок восемь лет. Старухи знали об этом и постоянно давали повод к продолжению сплетен и восторженным пересказам устраиваемых ими словесных перепалок. Вишенкой на торте был тот факт, что они соперничали не только в творчестве, но и в жизни. Первая была женой знаменитого тенора, а вторая его постоянной любовницей. Так в треугольнике они и прожили почти всю жизнь. У Бет был сын, живущий где-то в Австралии, а у Тимоти и Пэт сначала была карьера, потом собачка. Когда пара продала дом, решив переехать в «Обитель», выяснилось, что размещение с животными запрещено. Тогда Бет забрала к себе Мими, но с уговором, что после смерти собачки, пара приютит старую подругу. Ведь по сути дела у нее не было никого близких кроме этих двоих. Женщины давно смирились с положением вещей, но не уставали демонстрировать свои характеры. Вот и сегодня за ужином они традиционно развлекали публику, состязаясь в остроумии и обмениваясь колкостями.

За соседним столом Никки Уотерман непонимающе вертела головой:

– Что? Что она сказала?

– Ничего стоящего быть услышанным, – ответил её сосед Эрик Сэлман.

Когда-то он был аудитором солидной брокерской компании. Годы работы с рисками и эмоциональными всплесками научили его соблюдать спокойствие в любой ситуации.

– И все же, Никки, зря вы игнорируете слуховой аппарат, – Эрик склонился к голове старушки, заглядывая ей за ухо, – опять забыли надеть.

– У меня выборочный слух, – с серьезным видом ответила Никки, – мне аппарат не нужен. Я прекрасно слышу то, что имеет значение, а остальное слышать не обязательно.

– Здесь, не могу с вами не согласиться. Меньше слышишь – крепче спишь. Вы, Никки, не только прелестны, но и не по годам умны, – согласился Эрик.

– Это комплимент или насмешка? – удивилась она.

– Не то и не другое. Констатация факта, – ответил сосед. Он аккуратно сложил вилку и нож крестом поперек тарелки.

– Сколько раз вам говорить, Эрик. По правилам этикета, при окончании трапезы приборы складывают вместе, ручками вправо. Так официанту легче без лишнего шума забрать посуду со стола. Это то, чему я многие годы учила наших официантов.

Никки страшно не нравился этот напыщенный самовлюбленный сноб, и она несколько раз просила Маргарет пересадить ее за другой столик. Вон – у Боргесов было свободное место, а теперь на него посадили Габби, с которой они почти подруги, и им сам Бог велел сидеть вместе. Если попросить Эрика поменяться с Габби местами, то он, наверняка из вредности не согласится. Вот и теперь никак не уймется. Какой же он зануда.

– А надо было учить гостей, – ухмылялся Эрик. Он и не собирался исправлять свою «ошибку». Скорее наоборот: ему доставляло удовольствие действовать Никки на нервы. Ведь она до сих пор так гордилась своим статусом хозяйки гостиницы. Когда это было!

Мисс Маргарет Фостер стояла в дверях столовой, сплетя руки на груди и прислонившись плечом к косяку. Так она время от времени наблюдала за своими подопечными.

«Опять Эрик досаждают своей соседке. Вот есть же такие вредные особи мужского рода, – думала она, – еще понимаю, когда ими движет сексуальный интерес – тогда любой способ хорош для того, чтобы привлечь к себе внимание, а сейчас-то зачем ему это? Видно, тот еще ходок был, никак не угомонится... И эти четверо в эркере. Специально заняли столик, огороженный со всех сторон, как бы демонстрируют свою непричастность к местной жизни и ее правилам».

«Секта Четырех» – так за глаза Маргарет называла четверых самых «молодых» обитателей дома.

Младшему, Майклу, едва перевалило за пятьдесят, а старшему, Ричарду, недавно отпраздновали семидесятилетие. Дамы «расположились» посередине. Роуз было 55, а Анжеле – 62 года. Дети – по сравнению с остальными. Но неприятности, которые эта четверка доставляла Маргарет, были далеко не детскими. «Молодежь», по им одним известным причинам, назначила себя «ревизионной комиссией» пансиона и постоянно выдвигала то претензии, то планы по улучшению работы вверенного ей заведения. Администратор, как умела, деликатно увертывалась от их нападок, обещала рассмотреть жалобы и уже начинала их тихо ненавидеть, в душе сожалея о том, что их немощная старость еще далеко.

Ричард Дуглас носил молодежную бородку «трехдневная щетина» и слегка подкрашивал ее, не всегда успешно смывая краску. Иногда подтеки, предательски выдавая уловку стареющего молодца, светло-каштановыми полосками сбегали из-под подбородка вниз в глубины шейного платка, заправленного в ворот рубашки. Ношение платка играло двойную роль. С одной стороны, демонстрировало некий артистизм натуры бывшего главного редактора музыкального журнала, а с другой — сохраняло воротник рубашки чистым, что позволяло не менять ее в течение нескольких дней.

Майкл Бромли к своим пятидесяти двум так и не успел стать взрослым. Этот период в жизни обычных людей как-то выпал из его жизни, и он сразу же из детства-юности стал стариком. Бывшая профессия авиа-диспетчера позволила ему рано выйти на пенсию. Он устал смотреть в мониторы и небо, ему хотелось видеть землю, трогать ее. Он с большим энтузиазмом занялся садоводством, но ненадолго. После смерти матери, с которой, так и не женившись и не заведя детей, он жил все эти годы взрослым ребенком, одинокая жизнь показалась невыносимой. Он без сожаления продал дом. Жаль было расставаться с садом, но, переезжая в «Тихую Обитель», он выкопал и забрал с собой луковицы своих самых лучших тюльпанов, пионов и ирисов. Цветки последних – сочетание глубокого сиреневого с дымчато-бежевыми прожили-

ками - были его особой гордостью. Эд выделил ему под клумбу квадрат земли три-на-три ярда, где Майкл и продолжал свои ботанические эксперименты.

Роуз Нэш – третий гвоздь в стуле мисс Фостер. Как и большинство женщин «Тихой Обители», в молодости она выбрала не семью и детей, а карьеру. Правда, своеобразную: в прошлом Роуз была стриптизершей. Да и прошлое было совсем не далеким - она крутилась вокруг шеста почти до пятидесяти лет. Карьеру «Звезды шеста и подиума» – как она сама себя называла – Роуз бросила так же, как бросила курить. Однажды за завтраком, допивая кофе, она посмотрела на пачку сигарет, лежащую на столе рядом с чашкой, и сказала себе: «Хватит. Больше не хочу». Отодвинула пачку, и та еще несколько лет болталась нетронутой в ящике кухонного буфета. Несколько лет спустя та же фраза прозвучала в голове танцовщицы, когда она собирала свой реквизит - стринги в блестках и кисточки на соски – «артистический гардероб», который мог уместиться в косметичке. Она искренне удивилась, осознав, что такое мизерное количество одежды принесло ей больше денег, чем некоторым женщинам платья и костюмы от знаменитых кутюрье, но тем не менее, «Больше не хочу» взяло верх. Она собрала в охапку пестрые блестящие тряпочки и вытряхнула в мусорный мешок. Сложила в пустой чемодан то немного из «нормальной» одежды, что у нее было и открыла лэптоп. Набрала в поисковике: «Пансион для 50+». «Тихая Обитель» стояла третьей в рейтинге «Топ 10 лучших мест для приятной старости».

Анджела Смит – никто не мог сказать каким образом она оказалась в команде «Секты четырех», но она, в своем инвалидном кресле, плотно вписалась в компанию. Бывшая олимпийская чемпионка по плаванию в настоящее время была развалиной. Ходячей. Но даже это она не могла делать без помощи ходунков. Автомобильная катастрофа, в которой погиб муж – тоже олимпиец и тоже немного пловец - член команды по четырехборью, – оставила Анжелу на два года прикованной к функциональной кровати, а затем на десять лет в инвалидном кресле.

Олимпийская закалка дала о себе знать – Анжела все-таки научилась самостоятельно, пусть криво и неустойчиво, но стоять на собственных ногах, но лишние семьдесят килограммов, набранных за годы проведенные без движения, намертво прилипли к ее сухим мускулам. Борьбу с лишним весом Анжела проиграла и смирилась. Ей даже нравилось быть толстой. Наконец-то можно было есть торты и пирожные, запивать их пепси-колой и не считать калории.

*

Маргарет расплела руки и опустила их в карманы кофты. Нащупала в правом кармане скомканный лист бумаги – черновик письма Терри Тейлору. Настроение сразу испортилось. Она вынула руки из карманов, заложила их за спину и плавным шагом начальницы поплыла между рядов столиков, заглядывая в тарелки. Тимоти тоже смотрел в наполовину полную тарелку жены.

– Ты будешь доедать свою рыбу?

– Нет. Она, как всегда, ждет десерта, – ответила за нее Бет.

– Тогда я доем. Не пропадать же, – он потянулся через стол и взял тарелку жены. Поставил ее поверх своей уже пустой и принялся за почти остывший кусок.

Габби с любопытством наблюдала.

Тимоти в два приема управился с дополнительной порцией как раз к тому моменту, когда одна из санитарок подкатила к их столику тележку, на которой громоздилась грязная посуда. Позади уборщицы, ожидая, когда освободится проход, маячила еще одна девушка. Она держала перед собой поднос, полный вазочек с десертом. Маргарет одобрительно кивнула. Не раздавать десерты прежде чем старики покончат с основной едой было еще одним правилом дома, которое неукоснительно выполнялось. Многие из жителей «Обители» хуже детей: стоит им увидеть сладкое, как они отодвигают тарелки. Ни салаты, ни горячее их уже не интересуют.

Ричард снял с подноса подошедшей к ним официантки две креманки с шоколадным пудингом. Пока девушка предлагала десерт остальным членам «Секты», ловко стянул еще одну, при этом делая равнодушный вид и как-бы продолжая разговор.

– Нет, все-таки Боргес - молодец! В его годы — и столько энергии. Вот скажите, зачем ему нужна эта постановка? – приговаривал он.

– Артист - всегда артист, – заключила Роуз, – уж кому-кому, а мне-то не знать. Зря ты стащил пятую порцию. Я все-равно десерт не буду, – и она придвинула свою вазочку к месту, где сидела Анжела, – ешь, сладкая ты моя.

«Все как всегда, – Маргарет мысленно покачала головой, – а завтра наверняка придет жаловаться на отсутствие свежих фруктов. Так ведь у половины контингента и жевать-то эти свежие фрукты нечем».

За отдельным столом в углу общего зала санитарки кормили тех, кто уже не мог сам себя обслужить. Эрик Сэлман как-то попробовал проворчать, что сей неэстетичный вид портит аппетит тем, кто еще в состоянии держать в руках ложку, но Маргарет твердо отказала в просьбе кормить беспомощных в отдельном месте.

«Созерцание «нормальной жизни» повышает у них мотивацию не сдаваться и быть как все. Не нравится смотреть - сядьте спиной», – поставила она на место бывшего брокера.

Большинство «беспомощных» уже закончили ужин, а новенькая санитарка все еще старалась накормить одну из старушек, собирая ложкой с ее подбородка подтеки шоколадного пудинга.

«Черт! – вздохнула Маргарет, – течет, как краска с бороды Ричарда».

Санитарка подняла глаза на начальницу и скромно улыбнулась.

«Господи, я сама уже становлюсь, как мои подопечные! Как же ее зовут? – Маргарет ответила давно заученной улыбкой на улыбку девушки, – то ли Джэмми, то ли Джесси? Эти чертовы имена на «Дж» скачут в голове как блохи на собаке», – но вслух она только и сказала:

– Что-то я не вижу Джуди Прайс? Она уже закончила ужин?

– Нет, мэм. Её сегодня в столовой не было, – девушка приподнялась на стуле и, вытянув шею, посмотрела над головами сидящих, – да, за столиком, где она обычно сидит, пустой стул и нетронутая тарелка. Мне пойти поискать её?

– Когда закончишь с этой, – администратор кивнула в сторону старушки.

Та, пристегнутая к креслу-каталке ремнем безопасности как в самолете, подняла личико и смотрела бесцветными глазами на ложку, которая вдруг перестала прилетать к ее губам.

– Конечно, мэм. Обязательно найду.

ГЛАВА 8

ФЛОРЕНЦИЯ. ИТАЛИЯ. 1906 ГОД

Франсис несколько секунд постояла перед дверью в номер примадонны. Поправила прическу – рыжие кудри жили своей собственной жизнью и постоянно совершали попытки вырваться из оков шпилек и заколок. Руки скользнули вниз от висков – проверили, на месте ли небольшая камешка под воротничком, затем левая расправила фалды длинного жакета, более походившего на мужской сюртук, чем на предмет женского гардероба, а правая два раза постучала в дверной косяк.

– Кто? – спросили из-за двери по-русски.

Франсис растерялась, но смысл вопроса был очевиден, и она ответила на французском:

– Mademoiselle Франсис Дрейк.

Дверь распахнулась. За ней стояла миловидная девушка в простом ситцевом платье.

– Я племянница мистера Маккорта и частный детектив. Мне показалось, я могу быть вам полезной.

– Не мне. Моей барышне, проходите, *s'il vous plaît*.

Франсис удивилась тому, что служанка свободно говорит по-французски.

– Какое у вас милое произношение, – заметила она.

Девушка улыбнулась и присела в легком реверансе:

– Я еще и по-немецки могу. Я с барышней все годы рядом, с детства. И в Вене с ней была, и теперь здесь. Матушка Татьяна Андреевна Олюшку свою без меня никуда не отпускает. Хотя Ольга Львовна и старше меня будет, а все равно – наивна как дитя.

Говоря все это, девушка чуть посторонилась, пропуская Франсис вглубь апартаментов.

Гостиничный номер Ольги Ямпольской был много просторнее того, в котором синьора Фиоре разместила канадку. Оба окна гостиной смотрели на тихую зеленую улочку, в то время, как в номере Франсис было только одно окно с видом на кирпичную кладку слишком близко стоящего соседнего дома. В простенке между окнами апартаментов стоял туалетный столик с тройным зеркалом. Обилие резьбы и позолоты делали его похожим если не на царский трон, то на кресло в доме богатого купца. Вообще, на вкус Франсис, убранство комнаты было слишком пышным и эклектичным. Угол комнаты был отгорожен такой же витиеватой, как и туалетный столик, ширмой. С одной из створок ширмы свисал легкий пеньюар. Пытливый ум детектива сразу задал себе вопрос: «Зачем тут ширма? Не переодевается же певица прямо здесь, в гостиной? – И сам же себе ответил, – Наверное, за нее можно спрятать гостя, если не хочешь, чтобы его видел неожиданно зашедший другой посетитель».

Обилие предметов мебели тоже вызывало удивление. Множество этажерок, столиков-подставок для канделябров, растений в горшках и ваз с живыми цветами и фруктами буквально заполняли собой все пространство комнаты. Передвигаться по ней было нелегко. «Хорошо, что турнюры из моды вышли, – подумала Франсис, – а то половина этих ваз и горшков давно была бы сметена и разбита».

В противоположном ширме углу стояла диванная пара. Рядом с ней чайный столик. На середине его красовалась трёхъярусная пирамидка из блюд с пирожными, печеньем и кексами.

Дверь в соседнюю комнату, спальню, была чуть приоткрыта. Взору посетителя открывался вид на широкую кровать. Углы кровати украшали четыре резные колонны, поддерживающие купол балдахина. Занавеси из легкого шифона обрамляли ложе. Подхваченные шелковыми шнурами, они колыхались на легком сквозняке, напоминая крылышки бабочек.

В спальне преобладали в основном напольные вазы с живыми цветами. Аналитический ум Франсис не мог не отметить свежесть цветов. Они явно доставлялись ежедневно.

«Так вот в каком коконе живет мадам Баттерфляй», – Франсис внутренне улыбнулась. Она предполагала некую «возвышенность» убранства апартаментов, но не ожидала такой чрезмерной роскоши.

Ольга Львовна сидела с книгой на коленях в углу одного из диванов.

– Дашуня, достань еще одну чашку для нашей гостьи, – и, повернувшись к Франсис, добавила, – вы ведь не откажитесь составить мне компанию. Он еще горячий.

Франсис удивилась. Из вчерашнего разговора с артистами у нее сложилось мнение, что впечатлительная девушка онемела. Но нет. Она вполне отчетливо произносила слова, только очень тихо.

– Не откажусь, – последовал ответ, и Франсис села напротив хозяйки. Та в свою очередь с интересом наблюдала за гостьей.

– Я слышала, вы детектив. Очень необычная профессия, тем более для такой молодой и привлекательной особы, как вы. Вам, наверное, трудно скрывать свое присутствие, когда вы наблюдаете за преступниками? Вы не можете не обратить на себя внимание, тем более мужчин.

– Я не так часто веду слежку, но на случаи, когда приходится за кем-нибудь присмотреть, у меня есть целый набор париков, шляп и накладных бородавок.

Обе девушки рассмеялись.

– Почти, как у меня, – ответила певица, и в ту же минуту ее лицо исказила гримаса сожаления, – не знаю пригодятся ли они мне теперь. Голос, я имею в виду певческий голос, ушел. Опустился куда-то в глубины живота, и я не могу его поднять. Это все нэцкэ. Она унесла его с собой.

– Как раз о нэцкэ я и хотела вас расспросить. Я уже знаю, что это подарок вашего отца. Что вы сами о ней знаете? Дорогая вещица? Антикварная? Кто еще из вашего окружения мог знать о ней?

Даша принесла чашку и блюдце. Поставила перед гостьей. Снова присела в лёгком реверансе. Ольга приподняла кофейник и сама наполнила чашку Франсис на две трети. Её красивая тонкая рука зависла в воздухе:

– Вы пьете с молоком?

– Нет. Черный.

Ольга долила кофе почти до краев и придвинула блюдо с выпечкой ближе к собеседнице.

– Любители оперного искусства почему-то считают, что певцам необходимы сладости. Один такой ценитель присылает коробку с пирожными каждое утро.

– Да, – согласилась Франсис, и ее лицо озарилось улыбкой, – я уже заметила, что итальянцы – сладкоежки. Особенно по утрам.

Ольга кивнула.

– Итак, вернемся к причине моего визита, – Франсис сделала маленький глоток и аккуратно поставила чашечку в середину блюдца, – нэцкэ.

– Мой отец – как и многие офицеры российской армии – потомственный военный. Мой пра-пра-пра-пра-дед еще в первую Крымскую войну воевал под началом генерал-аншефа В. М. Долгорукова за освобождение левого берега Дуная. Позже, когда Екатерина II присоединила Крым и разместила там российский флот, мой предок был назначен в штаб самого генерал-фельдмаршала князя Григория Потемкина на должность начальника департамента оснащения кораблей боевыми припасами. С тех пор все мужчины семьи Ямпольских оказывались на военной службе. Никому из них даже в голову не мог прийти выбор другой профессии. Мой отец не был исключением, но его служба Отечеству забросила на Дальний восток.

Франсис показалось, что она слушает рассказ экскурсовода – на одном дыхании Ольга изложила историю своей семьи так, будто рассказывала ее в сотый раз.

– Мой отец, капитан 2го ранга Ямпольский Лев Гаврилович, стал флаг-офицером эскадры и одним из «морских волков» Дальневосточного флота Российской империи. К величайшему горю всей семьи он погиб в мае 1905 года в районе острова Цусима.

– Да, – Франсис с сожалением кивала головой в такт рассказу Ольги, – я знаю об этом. Ваш концертмейстер Даниил Мерлинг...

– Меринг, – поправила ее Ольга, – его фамилия Меринг.

– Ох, извините, как-то автоматически я произнесла ее на английский манер, – откликнулась канадка, – вчера у меня состоялось знакомство с основным составом вашей труппы. Так много новых незнакомых имен... Так вот, мистер Меринг рассказывал мне о вашем отце. Похоже, концертмейстер неплохо осведомлен о вашей жизни.

Ольга снова улыбнулась.

– О да! Мы с Данькой друзья с детства. Вначале он мне был как брат, потом как жених, а теперь вот – стал моим наставником.

– Как интересно, – Франсис даже подалась вперед, всем своим видом показывая, что ждет более подробного рассказа.

– О, это отдельная история. В отличие от отцовского семейства, предки моей матери были потомственными помещиками и владели землями в Гомельской области. Каждое лето, сколько себя помню, мы проводили в усадьбе деда в Комарине, это недалеко от Славутича.

Для Франсис все эти названия мест и городов ничего не значили, и она просто молчала головой, как бы подбадривая собеседницу на продолжение рассказа.

– Меринги жили по соседству. Они были одной из самых зажиточных еврейских семей в округе, – Ольга в своих воспоминаниях откинулась на спинку дивана и даже глаза прикрыла. Продолжала, – Их младший сын Даниил был моим ровесником. И «какая удачная-таки случайность-совпадение», – Ольга смешно изобразила говорок соседки-еврейки, – он тоже учился музыке... И какой же инструмент должен в совершенстве освоить еврейский мальчик Даниил Меринг? Ну уж никак не духовые или там литавры. Это же в афише совершенно не звучит: «Даниил Меринг – валторна» или «Даниил Меринг – ударные». Вот «Даниил Меринг – альт» (из уст Рахили Лазаревны это словосочетание звучало, как Мерингальт) – это ж есть совсем другая разнища. Рахиль Лазаревна, если вы не поняли, – это Данькина маман.

Уже тогда любому непрофессионалу было видно, что у Даньки нет и никогда не будет ни широких плеч, ни крепких рук, так необходимых для удерживания альты. С его комплекцией закидывать на грудь альт – почему бы сразу не виолончель – пустая трата сил. Но видели это все, кроме Рахили Лазаревны, и максимум на что она позволила себя уговорить, это не мучить ребенка сразу альтом, а для начала пусть попиликает на скрипке. Она с большим трудом согласилась, но не в привычках старой еврейской мамы было сдаваться без боя, и потому она отвоевала хотя бы одну позицию: пусть учится на скрипке, но сразу на взрослой. Никаких там детских -- одной шестнадцатой, восьмушки, или даже половинки. Сразу! И на полной!

Смотреть на Даника, едва видимого из-за инструмента, без слез было нельзя. Он чувствовал это и потому практиковался всегда в гордом одиночестве. Только унылый стон всех еврейских мальчиков, замученных музыкальными истязаниями, лился по утрам из окна его комнаты. Регулярно. В любую погоду и ровно два часа.

Рахиль Лазаревна с бабой Тоней были большие подружки, и на правах старшин привыкли решать многое и за всех. Их ритуальные чаепития всегда заканчивались каким-нибудь директивным решением. За одним из них бабки порешили, что к концу лета «деточки» таки должны дать совместный концерт, и нехера им целыми днями без дела бегать, а коль скоро они нашли общий язык в играх и развлечениях, то пусть и музыкальную науку тоже осваивают вместе. Тем более, что на совместных занятиях Данька заметно веселел. Правда, музицированию он предпочитал вокал. Да и бог с ним. Хоть горшком назови – только в печь не ставь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.